

данности расчленения сложного остаточного суффиксального комплекса, например, *-ičk-* на вставную морфему и аффикс первичного деминутива.

Следует заметить, что в целом явление редупликации вставной морфемы с деминутивным значением в языке встречается редко. Более распространен подобный способ словопроизводства у прилагательных со значением интенсификации признака (дериваты указанной структуры имеют и более высокую фреквенцию, чем соответствующие деминутивы). Чаще всего для нагнетания значения деминутивности используются синтаксические средства, в частности комбинация деминутивного существительного (D_1 или D_2) и прилагательного (последнее нередко содержит в своей структуре аффиксы со значением интенсификации признака) — указанное словосочетание компенсирует отсутствие редулицированного деминутива.

Таковы некоторые особенности использования вставных морфем при словопроизводстве исследованной нами лексики.

Типологическое изучение фразовой интонации славянских языков (Перспективы исследования)

Т. М. Николаева

Первые сведения о фразовой интонации не одного, а нескольких славянских языков были сообщены Олафом Брокком шестьдесят лет назад. Многие излагавшиеся им факты не устарели и до сих пор, многие предложенные им модели могут служить эталоном. Однако О. Брок рассматривает не все славянские языки, и самое главное — у него нет сопоставления: языки рассматриваются один за другим, поочередно.

За эти шестьдесят лет по изучению фразовой интонации славянских языков сделано много, и все же гораздо меньше, чем по изучению фразовой интонации одного только английского языка. Более всего исследовалась фразовая интонация чешского языка, как литературного языка, так и говоров — работы Й. Хлумского, Ст. Петршика, М. Ромпортла, Ф. Данеша, Х.—В. Водарца и мно-

гих других¹. В последние годы появились обобщающие исследования по фразовой интонации русского, польского, сербского, словацкого языков, а также отдельные работы по украинской, болгарской, словенской фразовой просодии.

Между тем несомненно, что типология фразовых интонационных систем должна, наряду с чисто фонологическими построениями, войти в общий комплекс славистических знаний². Отдельных, языковых описаний явно недостаточно — анализ сходств и различий и в этой области поможет более точно определить место каждого языка в общеславянском языковом пространстве.

Очевидно, что только единообразные описания могут в полной мере служить базой для типологических исследований. Между тем многие работы, опубликованные по этой проблеме, по существу несводимы друг к другу — так при изучении фразовой интонации русского языка в основном рассматривается содержательная сторона фразовой просодии, при исследовании чешского и польского языков — формальная сторона, типы фразовых каденций, при изучении сербского и словенского языков — модификация во фразе словенских и сербских словесных акцентов³.

Специфичность языкового функционирования фразовой интонации обуславливает и некоторые характерные черты методики ее сопоставительного изучения. Как представляется заранее и как показывает конкретный материал, разумнее всего строить типологию фразовой просодии, исходя из комплексного, а не только высотно-мелодического ее понимания. Так, в частности, различие языков по степени интенсивности звучания акцентных единиц проводилось еще О. Броком, а в последнее время в систему просодического описания славянских языков стал активно включаться и такой фактор, как временные характеристики⁴. Но методический подход к этим трем параметрам, формирующим языковую специфику просодии, в принципе очевидно различен. Так, при описании мелодических характеристик различаются количественный и качественный подходы. Количественный подход пред-

¹ Из-за необходимой краткости изложения библиографические сведения будут приводиться избирательно.

² Отдельные попытки поставить вопрос о сопоставительном изучении фразовой интонации славянских языков см.: Б. М. З а д о р о ж н и й. До питання про інтонацію в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкознания». Львов, 1953, кн. 3; А. И. Б а г м у т. К характеристике интонаций повествовательных предложений в современных славянских языках. *Argumenta lectionum*. «Резюме докладов VI конгресса фонетических знаний». Прага, 1967.

³ Именно таковы наиболее фундаментальные работы по сербской и словенской интонации: К.-Н. Р о л л о к. *Der neustokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede*. Göttingen, 1964; J. Т о р о р и š и ć. *Liki slovenskih tonemov*. «Slavistična revija», 1968, 1. XVI; I. L e h i s t e, P. I v i ć. *Accent in Serbocroatian*. «Michigan slavic materials», 1963, 4.

⁴ См.: К. Б о л л а. К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова. «*Studia slavica*», t. 14, 1968, № 1—4.

полагает сопоставление диапазона возможных частотных модуляций для данного языка в его обычной речи. В частности наиболее широкий диапазон отмечается для русского языка, резко отличающегося по этому свойству от других славянских языков ⁵.

На качественном подходе к анализу мелодики необходимо остановиться подробнее. Он представляет собой формальное сопоставление неких стандартных мелодических фигур — каденций. В состав такой мелодической фигуры обычно вводят три компонента — высотное положение ударного слога, высотное положение предударных слогов, высотное положение заударных слогов ⁶. По реальному числу слогов эта трехэлементная модель может быть как угодно велика: это зависит от величины заударной части, где часто тип мелодической фигуры находит свое разрешение в абсолютно последнем слоге заударной части. Для определения некоторых специфичных мелодических характеристик речи бывает важна и значительная часть предударных слогов ⁷. При отсутствии заударной или предударной частей некоторые мелодические фигуры могут совпасть, создавая условия для их нейтрализации. При этом необходимо оговорить то обстоятельство, что представленное описание мелодической структуры фразы используется лишь при одном, правда, наиболее распространенном подходе к изучению мелодики фразы — а именно, когда описанию подлежит лишь участок фразы до и после ударного слога — носителя фразового ударения (чаще всего это последний ударный слог фразы), а вся предшествующая часть объявляется нерелевантной ⁸. В ряде случаев принимается во внимание мелодика всей фразы ⁹.

Список всех мелодических фигур указанного типа явится перечнем-инвентарем славянских фразовых каденций. Многие типы каденций, как показывают конкретные описания, по всем славянским языкам совпадают, а именно большинство зафиксированных каденций есть в каждом славянском языке. Таким

⁵ Эту особенность русской речи отмечают: З. Ф. О л и в е р и у с. Динамика, ритм и мелодика русского языка. «Ruský jazyk», г. 17, 1966, č. 3; М. В г а u n. Beobachtungen zur russischen Sprachmelodie. «Festgabe für P. Diels». München, 1953.

⁶ X-В. Водарц, описывая фразовую интонацию яшских говоров, строит двухкомпонентную модель из ударной и заударной частей для нейтральной речи и трехкомпонентную, включая предударную часть, — для эмоциональной (H.-W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachischen. Köln, 1963).

⁷ Именно предударная часть помогает, например, различить специфическую мелодику чешского говора — так называемое «пльзенское пение» (P. J a n ě á k. Zapadočeský intonační typ. «Slavica pragensia», 1966, 8).

⁸ X-В. Водарц называет часть фразы, предшествующую каденции, «негативной» (указ. соч.).

⁹ Так, А. И. Багмут показывает, что особенность чешской звуковой манеры, так называемый «закон второго слога», ярко проявляется в самом начале фразы (А. И. Б а г м у т. Интонация простого розповідного речення у чеській літературній мові. «Інтонація мовлення». Київ, 1968, стр. 91).

образом, целесообразно различать общий перечень в с е х с л а в я н с к и х каденций (максимальный набор) и перечень каденций, совпадающих по отдельным языкам (минимальный набор)¹⁰. Описание фразовых каденций каждого языка будет представлять собой этот минимальный набор с добавлением фразовых каденций из максимального набора, характеризующих именно этот язык¹¹.

Однако сопоставления такого списка для описания мелодической системы языка еще недостаточно: одни формы каденций в некотором славянском языке являются характерными и распространенными, в другом же языке эти формы встречаются, но крайне редко. Так, например, резкое повышение голоса на последнем слоге при восходящей мелодике, типичное и принятое для польского языка¹², в словацком языке объявляется нехарактерным и нелитературным¹³. Статистический подход поможет упорядочить список каденций; при описании мелодики отдельного языка удобнее располагать каденции по степени их реальной встречаемости. В целом возможна такая классификация каденций: 1) общеславянские фразовые каденции, распространенные в данном языке; 2) общеславянские фразовые каденции, возможные в данном языке; 3) фразовые каденции, характерные только для данного языка; 4) фразовые каденции, запрещенные мелодической системой данного языка¹⁴.

При определении типа каденции, помимо указанного трехэлементного состава высотных границ, необходимо также учитывать тип движения мелодики внутри каждого компонента. Например, и в польской, и в ляшской речи при вопросе заударная часть располагается выше ударной, однако, в польском языке движение тона при этом, как указывалось, резко повышается, в ляшской речи — понижается¹⁵.

¹⁰ Идея такого двуступенчатого перечня-каталога славянских фразовых каденций соотносится с идеей построения архива фонологических моделей славянских языков, выдвинутой в статье: М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров. Структурная типология и славянское языкознание. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 17.

¹¹ При этом обнаружатся частичные языковые сходства. Так, повышение ударного слога в утвердительном предложении отмечается О. Брокром для болгарского языка и М. Ромпортлом для части ляшских говоров (О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, стр. 240; М. Romportl. Přízvuk, kvantita a melodie v nářečí na Jablunkovsku. «Slezský sborník». Jg. 52. Opava, 1954, стр. 13).

¹² W. J a s s e m. Aczent języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962.

¹³ Vl. U h l á r. O vetnej melódii v slovenčine. «Slovenská reč», r. XXIII, 1958, č. 6.

¹⁴ Опыт подобного описания мелодики русского, польского, чешского и украинского языков предлагается автором в работе: Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 247.

¹⁵ M. R o m p o r t l. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku. «Publikace slezského ústavu ČAV». Ostrava, 1958, стр. 71.

Сами каденций подлежат ещё дополнительному разбиению. Обычно различают три основных типа фразовых каденций: 1) терминальные нисходящие (собственно каденции); 2) терминальные восходящие (антикаденции); 3) нетерминальные восходящие (полукаденции). Дискуссионным является вопрос о мелодике русского языка, для которого все чаще различают две, а не три мелодики — восходящую и нисходящую¹⁶.

Сказанное выше относилось к изучению синхронного состояния мелодической системы славянских языков. Вопрос об эволюции фразовых каденций пока не ставился, хотя даже сопоставление данных, приводимых О. Броком (если считать их исчерпывающими) с данными современных исследований показывает определенные эволюционные сдвиги. Также не исследовался генезис фразовых каденций¹⁷.

Сопоставление типов и перечней фразовых каденций есть сопоставление по формальному признаку. Однако сопоставление внешней формальной стороны не может быть окончательным результатом описания просодии любого языка без решения содержательной стороны вопроса — а именно: определения соотношения форм и функций. «Типологическое сравнение есть сравнение функций элементов языка, их отношения к другим элементам в своей системе. Понятие функции в этом случае должно быть основой понятия тождества»¹⁸. Только те просодические системы могут быть объявлены типологически сходными, в которых сходные формы несут сходные функции¹⁹. Так, например, М. Ромпортл отмечает различие ряда сходных форм русской и чешской просодии — нейтральное в русском есть эмоциональное в чешском²⁰, эти же различия описывает Х.-В. Водарц для литературного чешского языка и ляхских говоров²¹. При этом функциональная сторона проблемы, как она представлена на современном этапе исследования фразовой интонации, представляется сложнее фор-

¹⁶ См. об этом: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 258—260; А. В л о с х. Intonation und Satzgefüge. «Sprachen—Zuordnung—Strukturen». Haag, 1965.

¹⁷ Единственной в этом отношении является работа И. Манкен о фразовой интонации сербского языка. И. Манкен связывает типы фразовых каденций, которые в случае сербского языка совпадают с рядом других славянских данных, со словесной просодией — с типом акцента в слого-носители фразового ударения.

¹⁸ Т. М и л е в с к и й. Предпосылки типологического языкознания. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 5.

¹⁹ На этом двойном сопоставлении настаивает М. Ромпортл в своих статьях о сопоставлении интонационных систем (M. R o m p o r t l. Zum Problem der Fragemelodie. «Lingua», v. V, 1965, 1; M. R o m p o r t l. Zum vergleichendem Studium der Satzphonetik. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd 10, 1957, H. 4).

²⁰ M. R o m p o r t l. Melodie ruské a české věty. «Sovětska Jazykověda», r. 4, 1954, č. 3.

²¹ H.-W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlachsichen.

мальной. Дело в том, что в данном случае остается неясной та система содержательных категорий, с которой соотносится совокупность форм-каденций. К выделению этой системы содержательных категорий подходят двойка: 1) «Снизу», т. е. выделяя только те смысловые отношения, которые различаются формально, разными каденциями. По этому пути идет для русского языка Е. А. Брызгунова²². 2) «Сверху», т. е. при этом содержательные единицы вводятся заранее, а исследователь определяет, какими интонационными формами они могут выражаться²³. При этом в отличие от первого подхода в принципе возможно, что одни и те же формы могут передавать разные смысловые отношения (омонимия интонационных форм) и наоборот — одни и те же смысловые отношения могут выражаться разными интонационными формами (синонимия интонационных форм). Чаще всего в содержательной интерпретации фразовой мелодики различают две стороны — грамматическую и экспрессивную, строятся даже параллельные системы этих интонационных форм²⁴. Однако подобный параллелизм, при котором выделяются особые экспрессивные каденции, не представляется логически приемлемым. Изучение любого языка показывает его возможность передавать экспрессивные значения на всех языковых уровнях, но наличие экспрессивного значения не исключает при этом грамматической оформленности языковых единиц. Очевидно, экспрессивные и грамматические значения являются двумя системами, способными к совмещению, иначе о предложении, произнесенном с «мелодией грусти»²⁵, мы не могли бы сказать, какие синтаксические значения оно передает и является ли оно вопросительным или утвердительным. Далее, если, говоря о грамматической стороне фразовой интонации, перечисляют эти грамматические категории, то экспрессивная сторона интонации рассматривается в применении к славянским языкам обычно глобально, включая эмфатическое подчеркивание, модальность, разного рода эмоции. Упорядочение этих экспрессивно-эмоциональных категорий позволило бы при изучении славянских интонационных систем отделить специфически-языковое от универсально-эмоционального.

²² Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

²³ Так, например, находит свои интонационные формы для каждого типа сложноподчиненного предложения Й. Янко (J. Jano. Jazyková melodie a její výšky a hloubky ve službách skladby a významosloví. Praha, 1948). За не всегда оправданную семантизацию форм упрекает М. Ромпортла К. Эбелинг (C. Ebeling, M. Romportl. K tonovému průběhu v mluvené češtině. «Lingua», 1954, v. IV, fasc. 2).

²⁴ Так, например, выделяет эти системы для ляхских говоров Х-В. Водарц. Однако, по его данным, синтаксические явления различаются положением заударной части, эмоциональные — положением ударной части.

²⁵ Этот тип мелодики выделяется, в частности для чешского языка, в ряде работ, начиная с исследований С. Петршика.

Столь большое место, уделенное нами проблемам именно мелодического описания, оправдано ведущей ролью мелодики в комплексе просодических параметров. В языковую специфику просодии, как говорилось выше, включаются еще временные и акцентные характеристики. Какие же сведения должны входить в сферу изучения временных характеристик? Это очевидно сведения о: 1) соотносительной длительности гласных и согласных звуков; 2) среднем темпе речи на данном языке — в сопоставлении с данными других языков эти данные покажут, медленно или быстро говорят на данном языке²⁶; 3) степени возможности временной сжимаемости, т. е. способности изменять темп отдельных участков речи, варьируя продолжительность звука для смысловых целей²⁷; 4) возможности и степени выделения временными средствами ударного слога — носителя фразового ударения²⁸; 5) возможности регулярного продления заударных, предударных и абсолютно конечных слогов²⁹.

При изучении акцентных характеристик существенную роль приобретает именно количественный фактор³⁰. Согласно данным ряда исследователей, уже намечается некоторая шкала соотношения славянских языков по интенсивности.

Совместное рассмотрение языковой специфики фразовой интонации во взаимодействии всех указанных просодических параметров создаст окончательное по результату сопоставление сходств и различий фразовой просодии славянских языков.

²⁶ Для получения данных такого типа необходим обширный и статистически достоверный материал.

²⁷ Автором отмечалась максимальная способность русского языка к этой временной сжимаемости и минимальная способность чешского (и, очевидно, словацкого) языка. Данное явление, по-видимому, связано с механизмом редукции безударных слогов; релевантность различия долготы/краткости в неударных слогах должна препятствовать временной сжимаемости. О русском языке в этой связи см.: А. В. Б о н д а р к о, Л. А. В е р б и ц к а я, Л. Р. З и н д е р. Акустические характеристики безударности. «Структурная типология языков». М., 1966.

²⁸ Эти данные входят в общий комплекс проблемы выражения ударного слога просодическими средствами в данном языке. См. развернувшуюся несколько лет назад дискуссию об акустической сущности польского ударения (W. J a s s e m. The phonology of Polish stress. «Word», v. 15, 1959, № 2; H.-W. W o d a r z. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1961, v. 6.).

²⁹ Несомненно, к временным средствам примыкает и такой важный и характеризующий язык фактор, как ритм. См., например: D. D v o n ě. Rytmičká zákon v spisovnei slovenčine. Bratislava, 1955; J. O n d r a ě k o v a. Ritmičnata structura na češkija ezik. «Ezik a literatura», XVIII, 1963, n. 3.

³⁰ Сложность организации акцентных данных в виде рядов дискретных единиц отмечал П. С. Кузнецов, подчеркивая различие в музыкальной нотации для мелодики и интенсивности: расчлененные указания в виде гаммы при мелодических характеристиках и неопределенные типа forte, piano — при указаниях силы звука (П. С. К у з н е ц о в. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. «Теоретические проблемы прикладной лингвистики». М., 1966, стр. 105).